

Государственная доктрина внутренней безопасности России в XVII – первой трети XVIII вв.

The state doctrine of internal security of Russia in the 17th – first third of the 18th centuries

DOI: 10.12737/2587-6295-2026-10-1-108-118

УДК 323

Получено: 25.01.2026

Одобрено: 23.02.2026

Опубликовано: 25.03.2026

Евтехов Р.А.

Канд. ист. наук, доцент кафедры истории и теории политики, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г Москва
e-mail: lib-lab-scan@mail.ru

Evtekhov R.A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow
e-mail: lib-lab-scan@mail.ru

Аннотация

Целью исследования является реконструкция государственной доктрины внутренней безопасности России во второй половине XVII — первой трети XVIII вв. Ядром системы внутренней безопасности указанного периода определяется понятие благочиния. Автор отслеживает эволюцию понятия безопасность и взаимосвязь между трансформацией государственных институтов и изменением содержания данного концепта. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления культурно-исторических корней и ценностей русского народа, связанных с понятиями безопасности и государства. *Методологической* основой работы выступает институциональный подход, для достижения цели исследования использовались историко-генетический и формально-юридический методы. До начала XIX в. ключевым понятием, описывавшим сохранение общественного порядка, выступало «благочиние», так как понятие безопасности еще не использовалось в нормативных актах. Оно было рецепировано в нормативную практику из церковного обихода и фиксировалось уже в середине XVII в. В эпоху Петра I происходит синтез западноевропейских и отечественных традиций в понимании безопасности. Под влиянием идей рационализма и просвещения создаются новые институты, в том числе полиция. Полиция изначально не совпадала по содержанию с западноевропейскими аналогами: её задачи были шире и включали не только охрану порядка, но и контроль за лояльностью общества, санитарные и хозяйственные функции. В нормативных актах первой половины XVIII в. понятие «благочиние» постепенно замещается термином «полиция», который становится комплексным аналогом понятия «безопасность». Автор исследования приходит к *выводу*, что безопасность трактовалась прежде всего, как защита казённых и государственных интересов, а не прав общества и граждан. Формирование системы внутренней безопасности было обусловлено необходимостью поддержания самодержавного порядка и предотвращения угроз, способных нарушить устоявшийся социальный строй. *Теоретическая и практическая значимость* исследования заключается в уточнении семантики и функционального значения понятия «благочиние», выявлены элементы западноевропейских заимствований и собственных цивилизационных оснований в формировании системы безопасности России.

Ключевые слова: теория безопасности, внутренняя безопасность, благочиние, полиция, охрана порядка, общественный порядок, система безопасности.

Abstract

The aim of the study is to reconstruct the state doctrine of internal security in Russia in the second half of the 17th — first third of the 18th centuries. The core of the internal security system during this period is defined by the concept of *blagochiniye*. The author traces the evolution of the concept of security and the relationship between the transformation of state institutions and changes in the content of this concept. The relevance of the study stems from the need to comprehend the cultural and historical roots and values of the Russian people associated with the concepts of security and the state. The methodological foundation of the work is the institutional approach; the historical-genetic and formal-legal methods were employed to achieve the research objectives. Prior to the 19th century, the key term describing the maintenance of public order was *blagochiniye*, as the concept of security had not yet been used in regulatory acts. This term was adopted into regulatory practice from church usage and was already recorded in the mid-17th century. During the reign of Peter I, a synthesis of Western European and domestic traditions in the understanding of security took place. Under the influence of rationalism and the Enlightenment, new institutions were created, including the police. Initially, the Russian police differed in scope from their Western European counterparts: their tasks were broader and included not only the protection of order, but also monitoring societal loyalty, as well as sanitary and economic functions. In the regulatory acts of the first half of the 18th century, the term *blagochiniye* gradually gave way to the term *police*, which became a comprehensive analogue of the concept of «security». The author concludes that security was primarily interpreted as the protection of state and treasury interests, rather than the rights of society and citizens. The formation of the internal security system was driven by the need to maintain autocratic order and prevent threats that could disrupt the established social structure. The theoretical and practical significance of the study lies in clarifying the semantics and functional meaning of the term *blagochiniye*. The research also identifies elements of Western European borrowings and indigenous civilizational foundations in the development of Russia's security system.

Keywords: security theory, internal security, *blagochiniye*, police, protection of order, public order, security system.

Введение

В России и Западной Европе вопросы содержания и эволюции понятия «безопасность» возникли в процессе становления бюрократического государства и развития национальных движений в XVIII в. Процессы бюрократизации, в свою очередь, стали значимыми факторами эволюции представлений о безопасности, что впоследствии обусловило появление концепций и доктрин. Диалектика национальных идей, усиленная экономическими противоречиями и усложнением социальной структуры общества, породила объективную необходимость формулирования целостной национальной и государственной идеологии. Как следствие, она выразилась в конструировании бинарной оппозиции «хорошего» и «плохого» для нации, в том числе в сфере поддержания общественного порядка. Эти процессы затронули не только формирующиеся национальные государства, но и империи, где вместо ключевой ценности – нации и её интересов, таковой объявлено – государство в широком смысле.

Наиболее интенсивный поиск «русской идеи» и национальной идентичности в общественной жизни России начался в XIX в. [2, с. 16-17], что было обусловлено собственно расширением поля для той самой общественной жизни, как следствие бурным развитием науки и публицистики. Истоки представлений о безопасности можно подчеркнуть из нормативных представлений царского периода российской истории. Примечательно, что именно эти представления легли в основу ключевого для XVIII в. понятия безопасности — «*благодина*». Отсюда в последствии выросли нормативы о полиции XIX в., и все это, не смотря на достаточно значительное влияние западных нормативов, особо активно заимствованных при Петре I и Екатерине II.

Механизмы обеспечения внутренней безопасности развивались в России сравнительно медленнее, чем в странах Западной Европы, что вполне закономерно хотя бы с учетом уровня урбанизации. Данная специфика может быть объяснена особенностями исторического

развития Российского государства, которое в отличие от национальных государств того же времени, на протяжении значительной части своей истории сохраняло имперские характеристики, что во многом обусловлено функционированием ключевых социальных и религиозных институтов. В частности, институты общинного РПЦ не выступали в качестве оппозиционной силы, а напротив, способствовали консолидации единого политического пространства и удержанию вертикали власти. Говорить об относительно развитой системе безопасности, в период до последней трети XVIII в. крайне сложно. Да и тогда, она только нарождалась, а некоторый критический анализ начнёт развиваться только с середины XIX в. С момента своего возникновения система обеспечения внутренней безопасности государства нацелена на сохранение и поддержание в первую очередь института самодержавия и государства, как личной вотчины царя и существовавшего общественного порядка.

Ключевым понятием исследования является понятие «система внутренней безопасности», под которой мы понимаем — совокупность органов, институтов и практик, деятельность которых направлена на достижение безопасности человека, общественных институтов и власти в понимании и представлении соответствующего исторического времени» [6, с. 10].

Целью настоящего исследования является реконструкция элементов государственной доктрины внутренней безопасности России во второй половине XVII — первой трети XVIII вв. Автор предполагает в качестве гипотезы, что Россия на протяжении указанного периода проходила этап формирования доктринального представления, о безопасности которое можно реконструировать через нормативно-правовые акты в соотношении с протекавшим политическим процессом.

Обзор научной литературы

Проблемы безопасности в прикладном ключе, исследования конкретных институтов (полиции, жандармерии и проч.) или статистического учета в отечественной историографии занимают достаточно серьезный объем. Концептуальные проблемы безопасности Российской империи хотя и привлекали исследователей, но в куда более скромных объемах. Традиционно в научно-исследовательской литературе принято выделять направление консервативного политико-правового развития государства и как следствие охранительной концепции сохранения безопасности под авторством: А.Х. Бенкендорфа, С.С. Уварова, А.М. Пазухина и др. К либеральному звену относят сторонников расширения прав участия и возможности распределения власти: М.М. Сперанского, А.Д. Градовского, Б.Н. Чичерина и др.

Среди современных исследований особого внимания заслуживают работы Г.С. Пыпиной [14], в диссертационном исследовании которой предпринята попытка на основе наиболее широко известных нормативов и научно-публицистических трудов систематизировать теорию безопасности кроме прочего имперского периода истории России. Есть и другие, менее удачные попытки осуществить анализ теории безопасности в историческом контексте. В частности, множество исследований, объединённых правда единым происхождением (в первую очередь специалистами вузов системы МВД РФ) которые допускают, на наш взгляд весьма ощутимую погрешность, когда идентифицируют систему государственной безопасности Российской империи как систему национальной безопасности, проецируя тем самым современное понятие на территорию и институты, им не соответствующие.

Зачастую не проводится разграничение между безопасностью государства (империи) и безопасностью общества и граждан, смешивая два понятия, при этом предпочитая больше констатацию и пересказ действовавших в рассматриваемый период нормативных предписаний, при этом, не проводя их структурированный анализ [1, с. 23; 3, с. 73; 9, с. 42; 10, с. 88]. Зачастую авторами подобных научных изысканий приводятся требующие содержательной аргументации противоречивые утверждения, такие как: *«Российская империя, действительно, была полиэтнична, но есть все основания считать ее одновременно и мононациональной»* [3, с. 74], что конечно противоречит не только фактам,

но и логике. Вместе с тем, нельзя не отметить общие теоретические заслуги некоторых из этих работ для разработки темы безопасности и её теории.

Методы

Недостаточная исследованность доктрины безопасности России XVII–XVIII вв. в контексте бюрократизации и заимствования западноевропейских институтов требует применения комплексной методологической оптики. В первую очередь укажем, что под доктриной внутренней безопасности нами понимается взаимовлияющая система правовых норм, представлений и позиций государственных органов на проблему безопасности. Иначе говоря, это система принципов в соответствии с которой выстраивалась система поддержания внутреннего порядка и стабильности общества.

Безусловно, целостного видения, изложенного в каком-либо документе, не существовало. А потому, реконструировать доктрину внутренней безопасности возможно с применением ряда принципов и методов. В первую очередь использован историко-генетический метод, позволяющий рассмотреть целостный процесс трансформации отдельных понятий и институтов, в том числе явлений и процессов в их последовательности и взаимосвязи, а не набора фактов. Использован формально-юридический метод, позволяющий исследовать юридические факты и тексты, интерпретировать их в логической последовательности с использованием специальных терминов и конструкций. Также использовался дискурсивный анализ с целью реконструкции официальных представлений о безопасности, а также ключевых семантических компонентов понятий «безопасность» и «благочиние», их смысловых сдвигов и контекстных значений.

В представленной работе автор руководствовался институциональным подходом, с точки зрения рассмотрения института как политического образования или организации — определённым образом организованного объединения людей, которое выступает в качестве коллективного актора. Указанный подход позволяет рассматривать процесс становления системы безопасности как эволюции полицейских и административно-надзорных органов как механизмов обеспечения порядка и безопасности в рамках неких концептуальных представлений своего времени.

Результаты анализа

Содержание термина «безопасность» тесно связано с конкретным историческим периодом и претерпело существенные трансформации в стадии политического переустройства или реформирования. Широкое применение понятия «безопасность» в России фиксируется относительно непродолжительный период по историческим меркам. Ключевым понятием, обозначающим поддержание внешнего порядка, общественного спокойствия и незыблемости действующих социальных норм в XVII–XVIII вв. выступало понятие «благочиние». Его активное использование начинается в екатерининскую эпоху, хотя первые употребления его известны как минимум с середины XVII в.

Открытой общественно-политической дискуссии на темы общественной жизни до почти середины XVIII в., почти не было. Главным образом отсутствовала пресса как таковая, а научная и творческая общественность только начала формироваться. Поэтому главным источником представлений о порядке и безопасности первой трети XVIII в., а тем более середины XVII в. являются нормативные акты.

Возвращаясь к понятию, описывающему безопасность как таковую, нужно сказать, что представление о ней фиксируются еще в Московском царстве, где появляется комплексный термин – благочиние. В нормативный язык термин благочиние перешёл из церковного обихода, где в документах отмечается еще до середины XVII в., обозначая благопристойное поведение и соблюдение строгого церковного порядка [4, с. 236]. В «Наказе о градском благочинии» от 6 апреля 1649 г. это понятие представляется как некий порядок, сохранение которого зависит от определенных обстоятельств или реализации неких мероприятий [6, с. 9-10]. Отметим, что указанный норматив один из первых, кодифицирующих понятие

разных видов безопасности. От чего именно необходимо беречь город, представление достаточно конкретное: «...в день и в ночь ходить и беречь накрепко, чтобы в улицах и в переулках бою и грабежу и корчмы и табаку и инаго никакого воровства и блядни не было... чтобы воры нигде не зажгли» [13]. В наказе есть деталь, которая нам кажется принципиальной. В описании охраны от пожарного случая, полагалось особо наблюдать, чтобы «...огня на хоромы не накинули...», а территориально охрана распространялась не далее, чем на Белый город (преимущественно боярско-дворянская часть города). Анализируя общий характер акта И.И. Дитятин [5, с. 302], справедливо высказался, что все назначенные беречь благочиние служили не столько в интересах общества, сколько по казенным надобностям, да и пожароохранные мероприятия осуществлялись не для ограждения посада от огня, а для охранения казенных зданий и складов. Это особенно очевидно становится в сравнении с деятельностью первых полицейских в Западной Европе и России.

Принятие наказа 1649 г. носило целиком прикладной характер. Москва в течении XVII в. систематически горела и непринятие соответствующих мер грозило ещё большими потерями. Кроме первоочередного значения пожарной безопасности документ регламентировал порядок реагирования и на другие события, способные нарушить благочиние: драки, грабежи, нарушение монополии на продажу алкоголя, курение табака, мошенничество.

Главным приоритетом безопасности XVII в. была пожарная безопасность. По признанию иностранцев редко, когда какой-то большой праздник обходился без пожара. После очередного пожара в Москве в 1699 г. сгорело более 600 домов [18, с. 89]. Как реакция на происшествие издан специальный указ о поимке воров-зажигателей. Согласно тексту указа, поджог достаточно распространенная форма отвлечения внимания граждан для совершения грабежа. Поджигатели представляли угрозу безусловно для конкретных домохозяйств, но куда более разрушительными были последствия их действий, так как из-за сплошной, плотной деревянной застройки выгорали целые кварталы, а не единичные строения. Неудивительно, что потребность в благочинии в первую очередь появилась в городах – местах наиболее плотной застройки и большей концентрации населения, но и очевидно более частой практики такого варианта грабежа.

Первоначально благочиние в большей степени относилось к городским поселениям, но сохранение такового было необходимо на всей территории империи, в том числе и на колонизованной его составляющей. В частности, Нерчинскому воеводе на далёких азиатских окраинах предписывалось соблюдение казенных интересов, пресечение воровства, карточных игр, драк, пьянства, грабежей, а в целом наблюдение за тем, чтобы все под «*Царскою высокою рукою послушны и жили смирно во всяком послушании*» [13]. Эта краткая, но ёмкая задача воеводству является выражением глобального представления московского царства об общей безопасности как таковой, о безопасности личной и своей вотчины. Понятие благочиния по своему содержанию очень близко пересекается с указанным послушанием.

Модернизация эпохи Петра I

Развитие проблемы содержания безопасности в системе русского права уже XVIII в. происходило на основе синтеза западноевропейских и собственных традиций. Ранее в научной литературе считалось, что большинство норм петровского законодательства были просто скопированы, почти без адаптации. И не смотря, на то, что для отдельных нормативов это действительно имело место быть, невозможно не отметить наличие собственных традиций трактовки отдельных понятий. Влияние западных политико-правовых идей, таких как рационализм и просвещение заметны как во внешней политике, так и в правовой системе. Формирование в первой четверти XVIII в. усилиями Петра I нового в политическом, институциональном, ценностном и других отношениях государства – Российской империи, привнесло кроме прочего значительное множество европейских явлений жизни. Изменения условий общественного развития, в сторону усиления «*тягло*» [Система денежных и натуральных повинностей крестьян и посадских людей в Русском государстве в XV-

начале XVIII вв.], смешение категорией крестьян и холопов, введением единообразной подушной подати закономерно усилило тенденцию к сопротивлению. Оно традиционно для русского общества выражалось не в открытом протесте, хотя и такие имели место быть, а побеге от власти, намеренной профанации – неоткрытому сопротивлению службе и работе.

Усиление нажима власти способствовало росту напряжения между сословиями. Закономерно, власть, представленная привилегированным сословием, противопоставила обществу и безопасность своего положения и интересов – ставшие объектом охраны системы в первую очередь. Другими словами, безопасность государства стала равна подчинению и не сопротивлению обществу. Особенно это актуализировалось на окраинах, где требовалось соблюдение мира и спокойствия между разными сословиями на рубеже XVIII в.: «... *служивые и посадские и всякие люди и пашенные крестьяне корчмы и зерни у себя не держали, и разбою и душегубства у них и меж себе драк и никакого воровства ни где и шатостей и бунтов и измены в Русских во всяких людях и измены в Русских во всяких людях и в иноземцах... отнюдь не было*» [13]. Недопущение конфликтов между сословиями в этих условиях стало первоочередной частью политики, в то время как таковая же во внутренних областях включала в первую очередь классическое понимание – составлявшее содержание закона 1649 г. Уже на этом примере видно, как не однородна империя и на сколько слабо работали универсальные нормы, не адаптированные под конкретные территориальные единицы. Необходимость такой адаптации на местах осознавалась центральной властью и в качестве компенсации создан институт губернаторства, призванный управлять в крае «*смотря по тамошним условиям*».

Помещики в эпоху Петра каких-то особых прав или полномочий не получили, а бегство крестьян с многочисленных казенных работ или из рекрута, многократно усилилось. Беглые, не имея способа возврата к мирной жизни сбивались в шайки и занимались грабежами и разбоем, порой захватывая и сжигая целые населенные пункты. Обеспечение безопасности внутри общин находилось в руках самих крестьян еще в XVII в., но рост явлений, с которыми крестьяне не могли справиться сами способствовал представлению о создании и развитии специальных служб. Для расследования происшествий, розыска и поимки преступников еще до Петра в регионы направлялись чрезвычайные чиновники или служилые. В своих непрерывных реформах и нормативных упражнениях Петр отменил институт сыщиков, указом от 10 марта 1702 г. [13], возложив их функции на воевод [15, с. 82-83], а в 1711 г. обратно вернул [13], с ещё большими полномочиями. Сыщики были не более чем чрезвычайным институтом борьбы с элементами, наносившими вред государственной машине, а не полноценным средством поддержания безопасности. Разбойники и грабители, опять же согласно этим нормативным актам, были вредителями, нанесшими урон государству. Условно, ограбленные или «*пожженные*» крестьяне не могли осуществлять свои обязанности перед государством – платить налоги и исполнять натуральные повинности. Наоборот, они становились в позицию нуждающихся в опеке и поддержке, а значит отвлекали ресурсы от задуманных Петром великих дел.

Новое содержание понятия «безопасности»

Важной инновацией Петра I уже в разрезе появления специальной охранительной службы стала идея создания полиции. Он имел возможность познакомиться с такой службой в Европейских городах во время своих образовательных поездок и оценил её значение. Полиция стала одним из результатов заимствования трендовой в то время европейской идеи «*камерализма*» - распределения направлений деятельности между разными государственными органами и всесторонняя их регламентация. В рамках реализации концепции регулярного государства, ориентированной на западноевропейские модели государственного строительства, Пётр I не позднее 1715 г. учредил первый специализированный полицейский орган — Главную полицмейстерскую канцелярию [7, с. 83]. Согласно консенсусу исследовательского сообщества, заимствование Петром I западноевропейской полицейской системы носило фрагментарный характер: при создании аналогичных институтов в России была воспроизведена лишь общая схема организации, без детального копирования её

структурных и функциональных элементов [6, с. 19]. Это обусловлено комплексом факторов, с одной стороны низким уровнем экономического развития российских городов, с другой отсутствием устоявшихся практик городского самоуправления. В сущности, в имперской системе власти, созданная полиция изначально не могла совпадать по своему содержанию с полицией западноевропейских городов, появившихся в результате их естественного роста и развития. Вместе с тем, создание полиции изменило восприятие и подходы к определению безопасности.

Значимость полиции обуславливалась не исключительно потребностью в функционировании правоохранительной службы как самостоятельного института, а необходимостью осуществления неусыпного наблюдения за поведением общества и контроля за исполнением им же нормативно-правовых предписаний. Первой полноценной инструкцией деятельности полиции становятся *«Пункты данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру»* от 25 мая 1718 г. [8, с. 45; 6, с. 19]. В них повествуется о всех функциях жизни города, за которыми следует присматривать, а также какие конкретные задачи необходимо выполнять. Но из самого документа очень сложно выявить представления о безопасности, их там фактически нет. В документе не упоминаются ни понятия безопасности, ни благочиния. Это абсолютно прикладная инструкция, большинство пунктов которой касались не личностной и имущественной безопасности общества, а в продолжении традиций царской России – только казенных надобностей. Среди главных забот безопасности определились организационно-санитарные нормы жизни, безопасность от природных происшествий – разлива рек, размыва дождей, а также пожароохранные мероприятия. Инструкция конечно же предписывала охранять наиболее людные места на случай воровства и драк, изыскивать гулящих и места тайных *«похабств»* (шинков, картежных игр и т.д.). Собственно, круг этих проблем в представлении этого периода и замыкала безопасность.

В большинстве нормативных актов первой половины XVIII в. с появлением полиции, понятие благочиния почти целиком им замещается. Впервые в нормативном обиходе понятие «безопасность», появилось достаточно поздно. Содержательно оно очень узкое, и употреблялось в контексте, обычно означавшем обережение от какой-то активной формы опасности – грабителей или разбойников. Например, в Регламенте главному магистрату [13] от 16 января 1721 г. в основном посвященному местному самоуправлению городов содержала параграф о полиции. Понятие полиции здесь наполнялось следующим: *«оная споспешествует [способствует] в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравоучении, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и в сим подобных, непорядочное и непотребное житье отгоняет и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу... в кратце же над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальной подпор человеческой безопасности и удобности»* [13]. Безопасность, здесь еще не используется в полной мере в современном её значении, а между тем, полиция стала не только институтом, но и неким аналогом понятия безопасности. Существует мнение, что регламент главному магистрату в большей степени остался теоретическим рассуждением законотворцев [5, с. 216-217], по крайней мере его реализация была однозначно не полной. Само рассуждение в морально-воспитательном отношении, заимствованное с западноевропейских аналогов, легло в дальнейшем в основу будущего *«Устава благочиния»* и ввело в оборот европейские подходы к определению целей и задач полиции и содержания безопасности как таковой, что уже не позволяют говорить об исключительно рассудительном характере регламента. Хотя, конечно, его хождение не стало столь массовым в силу ограниченности самого института магистратов в России.

Рассматриваемый период в целом имеет мало теоретических документов, которые позволили бы судить о содержательной части представлений о безопасности. В большинстве своем мы пользуемся прикладными документами. Инструкции о деятельности, которые должны были быть предельно точными в определении задач того или иного полномочного лица, в основном не дают определений. Например, в инструкции московскому обер-полицмейстеру от 9 июля 1722 г. ему ставится главная, сущностная задача полиции

«убыток, вред и опасность отвращать...» [13], а для того определялся целый ряд задач, которые полиции необходимо выполнять. Методами отвращения служила профилактика, в первую очередь через внешнее позиционирование защиты – обходы, досмотры, наружные караулы. Если предотвратить случай не удалось требовалась скорейшая поимка злодеев, поиск и погоня. Для сохранения безопасности важным определялись конкретные задачи надзора за состоянием города и поведением его жителей, в том числе в хозяйственном и санитарном отношении, предотвращение деятельности всех возможных подозрительных лиц и различного рода преступников. Вводился так называемый паспортный контроль – проверка разрешительных документов на проезд. В отличие от регламента главному магистрату, задач морального характера московскому обер-полицмейстеру отводилось значительно меньше.

С учетом всех петровских наведений в управлении, политическая система демонстрировала устойчивую тенденцию к формированию всеобщего контрольно-надзорного механизма. Это происходило в русле развития западноевропейского абсолютизма и формирования так называемого «полицейского государства». Новый виток развития системы общественной безопасности получил нормативное закрепление в «Наказе Губернаторам и Воеводам...» (1728 г.) [13]. В нём получили развитие положения о шпионаже, пресечение еретических учений, недопущение религиозного перехода в ислам (магометанство) и др. Кроме того усовершенствована регламентация правил застройки, обеспечение пожарной безопасности, поддержание чистоты городских территорий. Появились и новации: установка шлагбаумов (*рогаток*) и караульных постов — элементов, заимствованных из западноевропейской полицейской практики. Функциональные полномочия воевод логичным образом расширялись в сфере осуществления миграционного контроля, ограничения передвижения внутри губерний и городов и определения воеводой мер пресечения при судопроизводстве. При этом полицейская компетенция воевод ограничивалась только институтом сыщиков, действовавшим до 1762 г. После его ликвидации вся полнота полицейской власти была консолидирована в руках воевод и губернаторов, на которых возлагались обязанности обеспечения общественного порядка и организации розыска и задержания беглых крестьян, воров и разбойников с использованием всех доступных методов. Особая роль в поддержании правопорядка отводилась местным обывателям, они рассматривались как значимый элемент системы обеспечения безопасности [13]. Хотя данное положение не всегда фиксировалось в явной форме, оно подразумевалось, как неотъемлемый компонент функционирования правоохранительного механизма [6, с. 81–82].

Вплоть до реформ Екатерины II содержательно понятие безопасности или благочиния мало дополнялось, а сменившее их понятие полиции и вовсе «растекалось» и вбирало в себя все больше посторонних функций. Например, Указ «Об учреждении полиции в городах» 1733 г. [13] обосновывал необходимость создания полиции в крупных городах не то, чтобы требованием в обеспечении некоего общественного порядка, а в том числе смрадностью воздуха. Полагаем, что появление полиции могло бы неким образом усилить надзор за санитарными нормами, из чего делаем вывод, что полиция вбирала больше хозяйственно-надзорных функций, некоторые из них существенно выходили за пределы даже прежнего представления о безопасности.

Выводы

Подводя итог, можно сделать несколько основных выводов. Во-первых, период Российской истории второй половины XVII – первой трети XVIII вв. не смотря на смену разных политических этапов представляет единую линию зарождения и развития целостной системы внутренней безопасности. Кроме того, предложенная автором гипотеза о прохождении Россией указанного времени этапа формирования доктринального представления о безопасности, находит подтверждение. Во-вторых, понятие «безопасность» в указанной системе представлений обозначалось понятием «благочиние», под которым суммарно понималось сохранение внешнего порядка, тишины, спокойствия и ненарушенность существовавших общественных норм. В-третьих, западные нормативные заимствования на

определенный период времени заместили понятие благочиния фактически созданным институтом полиции.

При этом содержательно это понятие продолжало включать представления о безопасности прежнего времени, синтезируя как традиционное представление о безопасности, так и заимствованные западноевропейские концептуально-нормативные элементы. В-четвертых, реконструируя доктрину внутренней безопасности России указанного периода можно констатировать, что она состояла из приоритета государственных, а не индивидуальных интересов безопасности с прицелом на защиту существовавшего социального порядка и самодержавного строя и лишь вторым порядком ориентировалась на безопасность личной и собственнической подданных как элемента вотчинной (государственной) собственности. В понимании власти этого времени вся земля есть вотчина царя, и городские жители, и их собственность, и поведение есть часть устоявшегося порядка, нарушение которого уже есть нарушение безопасности.

Литература

1. Беляева Г.С., Беляев В.П. Становление и развитие правового регулирования национальной безопасности в дореволюционной России // Вопросы безопасности. - 2017. - № 4. - С. 23-35.
2. Воробьева С.А. Диалектика национальных и общечеловеческих ценностей в социальных идеалах славянофилов и западников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. - 2016. - № 3. - С. 16-22.
3. Гугасари Е.С. Теоретико-правовые аспекты исследования системы национальной безопасности Российской империи // Юрист – Правоведь. - 2012. - № 2 (51). - С. 73-76.
4. Гурлев И.В. Наказ царя Алексея Михайловича «О Градском благочинии» 1649 г. // Власть. 2019. - № 5. - С. 236-241.
5. Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. – Санкт-Петербург: Типография П.П. Меркульева, 1875. Т. 1: Города России в XVIII столетии. 507 с.
6. Евтехов Р.А. Система обеспечения внутренней безопасности азиатских окраин России: конец XVII - начало XX в. – Москва - Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, 2025. 376 с.
7. Коновалов И.А. Общая полиция в системе местного управления в Сибири: XVIII — начало XX в.: дисс. д-ра. ист. н.: 07.00.02; Кемерово, 2018. 393 с.
8. Кручинин В.Н. Становление и развитие законодательства о полиции в России в XVIII - начале XX вв.: дисс. канд. юр. н.: 12.00.01; Москва, 1998. 199 с.
9. Павлов Д.В., Гергарт Э.В. Историко-правовой аспект обеспечения общественной безопасности российского государства // Актуальные исследования. - 2023. - № 20 (150). – С. 42-44.
10. Палухина Е.С. Эволюция взглядов на национальную безопасность в политико-правовой мысли России конца XIX - начала XX века // Философия права. - 2016. - № 5 (78). - С. 88-93.
11. Палухина Е.С., Федоренко С.П. Правовая оценка терроризма как системной угрозы национальной безопасности российской империи // Философия права. - 2015. - № 5 (72). - С. 96-100.
12. Пещеров Г.И. Исторические корни национальной безопасности в России // Либерально-демократические ценности. 2016. - Т. 1. - №2. [Электронный журнал]. URL. <https://liberal-journal.ru/PDF/04LDZ216.pdf>. (дата обращения: 19.01.2026).
13. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. I. Т.: 1, 3, 4, 6, 8, 9, 16.
14. Пыпина Г.С. Становление теории безопасности в Российском государстве XIX - XXI веков: политико-правовой аспект: диссертация канд. юр. н.: 12.00.01 / Пыпина Г.С. – Нижний Новгород, 2012. 204 с.
15. Реформы Петра I: сборник документов / сост. В.И. Лебедев. – Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 379 с.

16. Руденко Ф.Г. Обеспечение национальной безопасности в Российской империи: XVIII - начало XX вв.: автореферат дис. кандидата юридических наук: 12.00.01; Санкт-Петербург, 2010. 23 с.
17. Самаруха В.И., Самаруха А.В., Санина Л.В. Роль графа М.М. Сперанского в обеспечении национальной экономической безопасности российской империи // *Baikal Research Journal*. - 2024. - № 15 (3). - С. 992-1000.
18. Смирнова А.А., Воротников Д.Ю. Развитие "указного законодательства" Петра I в сфере обеспечения пожарной безопасности // *Правовая политика и правовая жизнь*. - 2016. - № 4. - С. 88-95.
19. Чернова И.В. Томская городская полиция в конце XVIII — начале XX вв.: дисс. канд. ист. н.: 07.00.02; Томский гос. ун-т. Томск, 2005. 181 с.

References

1. Belyaeva G.S., Belyaev V.P. Stanovlenie i razvitie pravovogo regulirovaniya natsional'noy bezopasnosti v dorevolyutsionnoy Rossii [The formation and development of legal regulation of national security in pre-revolutionary Russia]. *Voprosy Bezopasnosti* [Security Issues]. 2017, I. 4, pp. 23–35. (In Russian).
2. Vorobyova S.A. Dialektika natsional'nykh i obshchechelovecheskikh tsennostey v sotsial'nykh idealakh slavyanofilov i zapadnikov [The dialectics of national and universal values in the social ideals of Slavophiles and Westernizers]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]. 2016, I. 3, pp. 16–22. (In Russian).
3. Gugasari E.S. Teoretiko-pravovye aspekty issledovaniya sistemy natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy imperii [Theoretical and legal aspects of studying the national security system of the Russian Empire]. *Yurist – Pravoved* [Lawyer – Legal Scholar]. 2012, I. 2 (51), pp. 73–76. (In Russian).
4. Gurlev I.V. Nakaz tsarya Alekseye Mikhaylovicha «o Gradskom blagochinii» 1649 g. [Tsar Alexei Mikhailovich's decree "On Urban Orderliness" of 1649]. *Vlast'* [Power]. 2019, I. 5, pp. 236–241. (In Russian).
5. Dityatin I.I. Ustroystvo i upravlenie gorodov Rossii. T. 1: Goroda Rossii v XVIII stoletii [The structure and management of Russian cities. Vol. 1: Russian cities in the 18th century]. Saint Petersburg: Tipografiya P. P. Merkul'eva. 1875. 507 pp. (In Russian).
6. Evtekhov R.A. Sistema obespecheniya vnutrennei bezopasnosti aziatskikh okrain Rossii: konets XVII – nachalo XX v. [The system of ensuring internal security of the Asian suburbs of Russia: the end of XVII - the beginning of XX century]. Moskva. Ulan-Ude. Buryatskii gosudarstvennyi universitet imeni D. Banzarova, 2025, 376 p. (In Russian).
7. Konovalov I.A. Obshchaya politsiya v sisteme mestnogo upravleniya v Sibiri: XVIII — nachalo XX v. [General police in the system of local government in Siberia: 18th — early 20th century] (Doctoral dissertation, Kemerovo State University). 2018. Kemerovo. (In Russian).
8. Kruchinin V.N. Stanovlenie i razvitie zakonodatelstva o politsii v Rossii v XVIII — nachale XX vv. [The formation and development of police legislation in Russia in the 18th — early 20th centuries] (Candidate dissertation, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia). 1998, Moscow, 199 p. (In Russian).
9. Pavlov D.V., Gergart E.V. Istoriko-pravovoy aspekt obespecheniya obshchestvennoy bezopasnosti rossiyskogo gosudarstva [Historical and legal aspect of ensuring public security of the Russian state]. *Aktual'nye issledovaniya* [Actual Research]. 2023, I. 20 (150), pp. 42-44. (In Russian).
10. Palukhina E.S. Evolyutsiya vzglyadov na natsional'nuyu bezopasnost' v politiko-pravovoy mysli Rossii kontsa XIX — nachala XX veka [The evolution of views on national security in the political and legal thought of Russia at the end of the 19th — beginning of the 20th century]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. 2016, I. 5 (78), pp. 88–93. (In Russian).

11. Palukhina E.S., Fedorenko S.P. Pravovaya otsenka terrorizma kak sistemnoy ugrozy natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy imperii [Legal assessment of terrorism as a systemic threat to the national security of the Russian Empire]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. 2015, I. 5 (72), pp. 96–100. (In Russian).
12. Pescherov G.I. Istoricheskie korni natsional'noy bezopasnosti v Rossii [The historical roots of national security in Russia]. *Liberal'no-demokraticheskie Tsennosti* [Liberal-Democratic Values]. 2016, I. 1 (2). (In Russian).
13. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI) [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (CCLR)]. (n.d.). *Sobr. I. T.: 1, 3, 4, 6, 8, 9, 16* (In Russian).
14. Pypina G.S. Stanovlenie teorii bezopasnosti v Rossiyskom gosudarstve XIX–XXI vekov: politiko-pravovoy aspekt [The formation of the theory of security in the Russian state in the XIX–XXI centuries: political and legal aspect] (Candidate dissertation, Nizhny Novgorod State University). 2012. Nizhniy Novgorod (In Russian).
15. Reforms of Peter I: a collection of documents. Compiled by V. I. Lebedev. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo [State Social and Economic Publishing House]. 1937 (In Russian).
16. Rudenko F.G. Obespechenie natsional'noy bezopasnosti v Rossiyskoy imperii: XVIII — nachalo XX vv. [Ensuring national security in the Russian Empire: 18th — early 20th centuries] (Abstract of Candidate dissertation, Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation). Saint Petersburg. 2010. (In Russian).
17. Samarukha V.I., Samarukha, A. V., Sanina, L. V. Rol' grafa M. M. Speranskogo v obespechenii natsional'noy ekonomicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy imperii [The role of Count M. M. Speransky in ensuring national economic security of the Russian Empire]. *Baikal Research Journal*. 2024, I. 15 (3), pp. 992–1000. (In Russian).
18. Smirnova A.A., Vorotnikov, D. Yu. Razvitie «ukaznogo zakonodatel'stva» Petra I v sfere obespecheniya pozharney bezopasnosti [The development of Peter I's “decree legislation” in the field of fire safety]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal Policy and Legal Life]. 2016, I. 4, pp. 88–95. (In Russian).
19. Chernova I.V. Tomskaya gorodskaya politsiya v kontse XVIII — nachale XX vv. [Tomsk city police in the late 18th — early 20th centuries] (Candidate dissertation, Tomsk State University). Tomsk. 2005. (In Russian).